ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1+72(470.54-25). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-160-169.
ББК Ш33(2Рос=Рус)-3+Щ118(235.55).
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Барковская Н. В.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0001-9131-5937
SPIN-код: 3059-3543

Гутрина Л. Д.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5083-9299
SPIN-код: 6160-1878

Аннотация. Книга стихов А. Сен-Сенькова «Каменный зародыш» (2023) рассматривается в контексте динамики изменений облика Екатеринбурга в произведениях XIX–XXI вв. Цель: выявить приемы словесного воссоздания архитектурных образов, функции этих образов в составе литературного произведения и воздействие на культурную память городского сообщества. Методологическая база: идеи интермедиальности и взаимодействия видов искусства, социокультурный аспект искусства, принципы сравнительно-исторического и семиотического подходов. Произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка воспроизводят купеческий облик Екатеринбурга, пережившего расцвет в пору «золотой лихорадки» середины XIX в. и постепенно ветшавшего к концу столетия. В период Гражданской войны на Урале Н. Никитин противопоставляет мещанский уют купеческих особняков и лачуги заводских окраин. Годы первой пятилетки связаны с подъемом индустриализации и архитектурой конструктивизма, глобальностью социальных планов рождения нового «городища» – Свердловска (Маяковский). В годы оттепели в литературе формируется уютный образ зеленых проспектов, тихих жилых кварталов, ровного течения времени. Свердловск-Екатеринбург постсоветской эпохи отразил Борис Рыжий, создав элегический облик постепенно деградирующих рабочих окраин с неизменно звучащей темой смерти (как личной, так и советского периода в целом). Вышедшая в 2023 г. книга стихов А. Сен-Сенькова «Каменный зародыш» посвящена одному из памятников конструктивизма, перешедшему в разряд «заброшек». «Заброшка» демонстрирует обе стороны советского проекта индустриализации: и созидательную, и репрессивную. Если памятники архитектуры конструктивизма создают позитивный образ прошлого в коллективной памяти, то заброшенный детский сад / детский дом, стоящий рядом с городской тюрьмой, предохраняет от идеализации прошлого и напоминает о непроговоренных коллективных травмах.

Ключевые слова: уральский текст в русской литературе; Сен-Сеньков; конструктивизм; культурная память

Для цитирования: Барковская, Н. В. Архитектурные образы в литературном пространстве Екатеринбурга / Н. В. Барковская, Л. Д. Гутрина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 160–169. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-160-169.

ARCHITECTURE IMAGES IN THE LITERARY SPACE OF EKATERINBURG

Nina V. Barkovskaya
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9131-5937

Lilia D. Gutrina
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5083-9299

Abstract. The book of poems by A. Sen-Senkov “Stone Fetus” (2023) is considered in the context of the dynamic changes of the image of Ekaterinburg in literary works of the 19th–21st centuries. The study aims to identify the techniques of verbal reconstruction of architecture images, their functions in a literary work and the impact of these images on the cultural memory of the urban community. Methodologically, the research is based on the ideas of intermediality and interaction between art forms, the theory of socio-cultural aspects of art, and the principles of comparative-historical and semiotic approaches. The works of D. N. Mamin-Sibiryak reproduce the merchant image of Ekaterinburg, which flourished during the “gold rush” of the mid-19th century and gradually deteriorated by the end of the century. During the Civil War in the Urals, N. Nikitin contrasts the bourgeois comfort of merchant mansions and the hovels of the factory outskirts. The years of the first five-year plan are associated with the rise of industrialization and constructivist architecture and with the global nature of social plans for the birth of a new “megacity” – Sverdlovsk (Mayakovsky). During the Thaw, a cozy image of green avenues, quiet residential areas, and the smooth flow of time was formed in literature.

© Барковская Н. В., Гутрина Л. Д., 2025

Boris Ryzhy reflected the post-Soviet era of Sverdlovsk-Ekaterinburg, creating an elegiac image of gradually degrading working-class suburbs with an invariably resounding theme of death (both personal and of the Soviet period as a whole). The book of poems by Sen-Senkov "Stone Fetus," published in 2023, is dedicated to one of the constructivist monuments that became a "derelict" one. "Derelict buildings" demonstrate both sides of the Soviet industrialization project: both creative and repressive. If constructivist architectural monuments create a positive image of the past in the collective memory, then an abandoned kindergarten / orphanage, standing near to the city prison, protects against the idealization of the past and reminds us of unspoken collective traumas.

Keywords: Ural text in Russian literature; Sen-Senkov; constructivism; cultural memory

For citation: Barkovskaya, N. V., Gutrina, L. D. (2025). Architecture Images in the Literary Space of Ekaterinburg. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 160–169. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-160-169.

Введение

Актуальное сегодня рассмотрение литературного произведения в интермедиальном аспекте предполагает, помимо прочего, анализ взаимодействия различных видов искусства (см., напр.: [Рубинс 2003; Силантьева 2015; Интермедиальность… 2008; Ханзен-Леве 2016]). Взаимодействие видов искусства означает не только перевод произведения с языка одного вида на язык другого. Разумеется, полностью идентичный перевод невозможен, трансформации неизбежны и необходимы и, главное, эти изменения выражают, как правило, несколько иную авторскую концепцию, чем та, что была заложена в «первотексте». Согласимся с мнением В. Б. Катаева, считавшего, что «под интермедиальностью понимают взаимодействие не столько языков искусств, сколько смыслов этих языков» [Катаев 2022: 66].

А. И. Кузнецова выделяет два уровня интермедиальных взаимодействий архитектуры и литературы: корреляционный и рецептивный. На первом уровне взаимодействий архитектурный объект может прочитываться как «текст» и литературный текст может рассматриваться как «здание», «постройка». На втором уровне речь идет о литературной рецепции архитектурного объекта (гораздо реже встречается воздействие литературы на архитектуру) [Кузнецова 2020: 419–426]. В настоящей статье мы будем говорить именно о рецепции, об архитектурных образах Екатеринбурга, чтобы показать, как через изображение архитектурного облика города на разных этапах его развития выражались не только авторская концепция жизни этого локуса, но и характер исторической эпохи. Пьер Нора ввел широко используемое понятие «место памяти» – это места, в которых воплощена национальная память [Нора 2005, 1999]. В нашем случае точнее говорить о «памяти места», когда символом истории города выступает то или иное здание. Сошлемся на тезис Алейды Ассман: «Культурная память не только хранится в библиотеках, музеях и архивах – она привязана к определенным топографическим координатам» [Ассман 2014: 237]. Облик здания, в полном соответствии с культурным концептом «Дом» (родной, казенный, чужой и т. д.), может выступать не только объектом изображения, но и субъектом в диалоге с героем, повествователем, автором. В книге стихов А. Сен-Сенькова «Каменный зародыш» (2023) рисуется подчеркнуто-индивидуальный, психологически разработанный портрет одного из екатеринбургских домов времен конструктивизма, переживших свое время.

Результаты исследования

Представляется необходимым дать беглый экскурс в историю литературных изображений зданий Екатеринбурга, чтобы показать, как менялся «текст» о нем. В данном случае мы следуем за методологией В. Н. Топорова, проанализировавшего петербургский «сверхтекст» в русской литературе как явление кросс-темпоральное, кросс-жанровое и кросс-персональное [Топоров 1995: 275, 279].

Екатеринбург был основан в 1723 г. как завод-крепость по указу Петра I, в 1807 г. он получил статус единственного в России горного города. Управление вершилось горным начальником, который имел свою полицию, свой суд, свой бюджет. Страна остро нуждалась в металлургических заводах, освоение Урала шло быстрыми темпами, сложился свой специфический горнозаводский уклад, с особенностями быта и культуры. Традиционно самой сильной частью общества являлись купцы-заводчики, многие из которых были старообрядцами. Открытие золота в 30-е гг. XIX в. позволило золотопромышленникам нажить огромные состояния. Путешественникам (А. фон Гумбольдту, А. Брему и другим) город представлялся привольным и даже нарядным, с его шестью стройными церквами, зелеными крышами домов (краска делалась из малахитовой пыли, оставшейся после обработки камня), большим прудом на реке Исеть, о чем пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке о Екатеринбурге [Мамин-Сибиряк 1889: 26–27]. На протяжении XIX в. город был застроен одно- и двухэтажными домами, как всякий уездный город. Приведем описание дома золотопромышленника Василия Назаровича Бахарева из романа Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (опубликован в 1883 г.): «Бахаревский дом стоял в конце Нагорной улицы. Он был в один этаж и выходил на улицу пятнадцатью окнами. Что-то добродушное и вместе уютное было в физиономии этого дома <…> Под этой широкой зеленой крышей, за этими низкими стенами, выкрашенными в дикий серый цвет, совершалось такое мирное течение человеческого существования! Небольшие светлые окна, заставленные цветами и низенькими шелковыми ширмочками, смотрели на улицу с добродушной улыбкой, как умеют смотреть хорошо сохранившиеся старики…» [Мамин-Сибиряк 1980: 12]. И далее подробно описываются ворота, внутренний двор, службы, хозяйственные постройки, живая стена акаций и сирени, красивая чугунная решетка с изящными столбиками. Будучи фактически-достоверным, «портрет» дома выполняет функцию

характеристики самого хозяина, старика Бахарева, одного из немногих порядочных и честных людей среди купеческой среды.

Богатые дома купцов-миллионеров строились в стиле классицизма, занимали доминантные точки в пространстве города, как, например, дом отца Сергея Привалова (прототип здания – дом Харитоновых-Расторгуевых, дата постройки – 1790-е гг., является достопримечательностью Екатеринбурга). Однако в романе Мамина-Сибиряка дворец показан уже обветшавшим. Сергей Привалов, приехавший в Екатеринбург после вступления в наследство, с грустью смотрит на дом, где прошло его детство: «Приваловский дом стоял на противоположном конце той же Нагорной улицы, на которой был и дом Бахарева. Он занимал собой вершину горы и представлялся издали чем-то вроде старинного кремля. Несколько громадных белых зданий с колоннами, бельведерами, балконами и какой-то странной формы куполами выходили главным фасадом на небольшую площадь, а великолепными воротами, в форме триумфальной арки, на Нагорную улицу. (…) Это был целый замок в помещичьем вкусе; позади зеленел старинный сад, занимавший своими аллеями весь спуск горы. (…) Дом представлял из себя великолепную развалину: карнизы обвалились, крыша проржавела…, массивные колонны облупились, и сквозь отставшую штукатурку выглядывали обсыпавшиеся кирпичи; половина дома стояла незанятой и печально смотрела своими почерневшими окнами без рам и стекол» [Мамин-Сибиряк 1980: 161]. Золотой век города кончился, отчасти состояние промотали отцы, отчасти наследники не сумели поставить заводское дело, не имея деловой хватки отцов. Колоритные эпизоды купеческих кутежей, когда не только лошадей, но и дороги шампанским мыли, а петербургского чиновника водили для потехи на цепи, как ручного медведя, жертвовали тысячи на строительство мечети в Константинополе, приводит В. И. Немирович-Данченко в книге «Кама и Урал (очерки и впечатления)» [Немирович-Данченко 2021: 293–294]; впрочем, сам Екатеринбург показан в очерке вполне привлекательным: широкие улицы, белые дома, красивые богатые церкви, много зелени, даже Верх-Исетский завод красив, приютившись у пруда [Там же: 303–304]. Однако дворянский шик не прижился в купеческом городе. Сергей Привалов, приехавший принимать запутанное наследство, мечтал по-новому поставить заводское дело, а прибыль отдавать рабочим и башкирам, чьи земли были отняты когда-то под заводы и прииски. Но замыслы не удалось реализовать, а сам Сергей стал игрушкой в руках купеческой элиты, вовсе не думавшей о благотворительности или социальной справедливости, в конце концов, от приваловских миллионов, пишет автор, и дыма не осталось, как личность погиб и сам Сергей. Но в конце романа старик Бахарев ведет за руку сына Сергея, своего внука – так выражена авторская надежда на то, что здоровая деловая жилка и жизнестойкость могут еще проявиться в будущем.

Богатство купцов и заводчиков добывалось каторжным трудом старателей и рабочих, в пореформенные десятилетия все острее становились социальные противоречия. Эпоха революций, а затем Гражданской войны побудила писателей противопоставлять сытые купеческие особняки и лачуги рабочих. Так происходит в рассказе «Трава-пышма» Николая Никитина, красноармейца, позднее участника группы «Серапионовы братья» [Никитин 1924]. Екатеринбург занят чехословацкими легионерами, идет зима 1918–1919 гг. Кажется неколебимой твердыней дом Антоновского, члена Правления Оренбургских золотых приисков: «В доме, что на Клубной улице, в доме сером и старом, и крепком, как колода в Кержацком скиту, в доме с глухими воротами, с запасом, с караулками, с железными иглами по забору, с чугунными штангами…» [Там же: 42]. Однако купеческий город бесстыдно пал в объятия иностранцев: «…город стих на время большевиков, но нынче опять поет город пьяную скверную песню, поет как всегда и в ветер, и в стужу, и этому улыбаются чехи, американцы, колчаковцы, французы и итальянцы. И жадно слушают песню на расписных гладких улицах гладкие и сытые особняки» [Там же: 42]. В рассказе рисуется крайне редкий для «маскулинного» Екатеринбурга женский образ города: «А за хитрым ажуром, за окнами плыл мимо туманный город, в белой пыли, точеный, сколоченный по чертежу, плыл сдавленный в раме белых гор, замкнутый и развернувшийся широкими улицами в нагорьях, с большими, покатыми, как женские груди, площадями. Плыл в утренних сверкающих рассветах, с белыми соборами, с розовыми, как молодое тело, колокольнями и башнями плыл в пьяной пыли, что неслась с сибирских трактов ветром…» [Там же: 47].

В конце рассказа Никитин сообщает, что в нищем домике на окраине города заседает партийная ячейка во главе с большевиком Антоном Черняком, часть рабочих-революционеров томится в городской тюрьме. Автор не воссоздает историю подпольного движения, но одной последней фразой говорит о победе над врагами революции и начале новой жизни: «В июле пришли красные. И земляника, и пышма были этим июлем прекрасны» [Никитин 1924: 48].

В 1920-х – начале 1930-х гг. началась индустриализация Екатеринбурга, ставшего в 1924 г. Свердловском. Купеческие особняки и дома, построенные в духе недолго просуществовавшей моды на модерн, сменились архитектурой конструктивизма. В подарочном издании «Екатеринбург: наследие конструктивизма» [Екатеринбург… 2009] представлены фотографии и описания наиболее ярких из 140 памятников архитектуры конструктивизма. Авторы книжного проекта пишут: «Можно сказать, что конструктивистские объекты, сооруженные в Екатеринбурге, охватывают почти всю типологическую палитру зданий новой архитектуры тех лет, не имеющих аналогов в мировой практике. Это жилые дома-коммуны и жилкомбинаты, административно-конторские здания, дворцы и клубы для рабочих и служащих, детские комбинаты, фабрики-кухни, учебные и медицинские заведе-

ния нового типа, водные станции и спортивные сооружения, производственные здания и комплексы крупных заводов» [Екатеринбург… 2009: б/н]. Конструктивизм призван был решать общие идеологические задачи – формирование личности нового человека, переустройство жизни во всех ее проявлениях. Коллективизм должен был сменить быт частных домов-особняков, чтобы никто не стоял в стороне от социалистического строительства. Однако уже в середине 1930-х гг. в облике города появились элементы неоклассицизма («сталинский ампир»).

В 1928 г. Владимир Маяковский пишет стихотворение «Екатеринбург – Свердловск» [Маяковский 1958: 19–22]. Буквально из небытия, тьмы и хаоса создается, по мнению поэта, новый космос, «новый город: работник и воин». Упомянут вскользь расстрел царской семьи, связанный с печально знаменитым домом инженера Н. Н. Ипатьева, занимавшегося строительством железных дорог.

(…)
встает
    новорожденный
            город Св**е**рдлова.
Полунебоскребы
            лесами п**о**днял,
чтоб в электричестве
            мыть вечера,
а рядом –
    гриб,
            дыра,
                    преисподняя
как будто
    у города
            нету
                    «сегодня»,
А только –
            «завтра» и «вчера»

Это вполне мифологическая картина сотворения нового космоса из первозданного хаоса. На самом деле, Екатеринбург вовсе не был ни экономической, ни интеллектуальной пустыней: помимо училищ, Уральского общества любителей естествознания, городской библиотеки и газет, были даже театры, что для уездного города редкость. Архитектура конструктивизма, порывавшая с классическими традициями, как раз отвечала идее создания абсолютно нового человека-строителя нового мира, главным в котором был завод, производство, а «полунебоскребы» располагались вокруг него. По сути, Свердловск, помимо исторического центра, представлял собой конгломерат заводских поселков: ВИЗ, Уктус, Уралмаш, Эльмаш, Химмаш, Вторчермет и прочие. В центре города разместился комплекс зданий «Городок чекистов» (по-своему глубоко трагическую историю трансформации коммунистической утопии в судьбах «элиты», населявшей этот дом нового типа, демонстрируют Л. П. Пискунова и Л. Э. Старостова, опираясь на устные рассказы обитателей дома [Пискунова, Старостова 2015]).

В годы «оттепели» в поэзии стал преобладать другой образ города, уютного, удобного для жизни простого человека. До конца советского периода неофициальным гимном города стал «Свердловский вальс» на слова Григория Варшавского[1]. Песня была написана в 1962 г. в соавторстве с уральским композитором Евгением Родыгиным. Характерно, что интонация песни не маршевая, а на мотив светлого вальса, теплая, задушевная, как и образ города: «Весь он ласковым светом пронизан / И в зеленый оделся наряд…». Упоминаются «леса новостроек» – в это время по окраинам активно строились свердловские «черемушки», кварталы пятиэтажек-«хрущевок». Предельно простые и дешевые формы сменили авангард и последующий «неоклассицизм». Общее настроение выражено в словах припева, звучащих рефреном: «Так любо всё и дорого, / И на душе светло!» [Антология советской песни].

Но уже в позднесоветское время светлая тональность гаснет. Знаковый для города рано ушедший из жизни поэт Борис Рыжий[2], упорно называвший Екатеринбург Свердловском, пишет в элегической тональности, а сквозной у него становится тема смерти – в том числе и медленно угасающих заводов и рабочих окраин. Взгляд Рыжего фиксирует следы прошлого, но не видит (или не принимает) новой, рыночной, реальности. Приведем характерный пример:

Если в прошлое, лучше трамваем
со звоночком, поддатым соседом,
грязным школьником, тетей с приветом,
чтоб листва тополиная следом.

Через пять или шесть остановок
въедем в восьмидесятые годы:
слева – фабрики, справа – заводы,
не тушуйся, закуривай, что ты.

Что мямлишь скептически, типа
это все из набоковской прозы, –
он барчук, мы с тобою отбросы.
Улыбнись, на лице твоем слезы.

Это наша с тобой остановка:
там – плакаты, а там – транспаранты,
небо синее, красные банты,
чьи-то похороны, музыканты.

Подыграй на зубах этим дядям
и отчаль под красивые звуки:
куртка кожаная, руки в брюки,
да по улочке вечной разлуки.

Да по улице вечной печали
в дом родимый, сливаясь с закатом,
одиночеством, сном, листопадом,
возвращайся убитым солдатом [Рыжий 2001: 48].

[1] Варшавский Григорий Абрамович (род. в 1924 г. в Харбине, умер в 1989 г. в Нью-Йорке) – уральский поэт и драматург.

[2] Рыжий Борис Борисович (род. в 1974 г. в Челябинске, покончил с собой в 2001 г. в Екатеринбурге) – самый известный екатеринбургский поэт, младший научный сотрудник Института геофизики УрО РАН, лауреат литературных премий «Антибукер», «Северная Пальмира».

В 1990-е гг. город переживал резкую трансформацию. В рассказе Анны Матвеевой «Жемымо» эпоха характеризуется так: «Страна получила свободку. Уралмаш, король заводов, на месте встал, раз-два. <…> Цеховики шили “адидасы”, варенки и шапочки-“пидорки” из женских рейтуз, на рынках продавались корейские платья с кружевами-перьями – такого же химического цвета, как корейские же соки. В узкую щель между Союзом и Западом падали первые плоды свободы – “марсы”, “сникерсы”, “баунти” и водка “Стопка”. И вот на пути между ларьками – смыслом жизни эпохи ранних девяностых – и деньгами, смыслом жизни для многих во все времена, встали другие, имя им легион» [Матвеева 2012–2013: 152]. Первая девятиэтажка среди хрущевок и бараков, именуемая «Семерой» – дом «породистый», выглядевший как атомный ледокол «Ленин» среди плотов, и населяли его «новые русские», связанные с криминальными кругами, а лоджии его напоминали «расширенные бойницы». Другим архитектурным пуантом города представлена в романе Ольги Славниковой «2017» «башня-поганка» – недостроенная с советских времен 220-метровая телебашня рядом с цирком, на которую неоднократно залезали отчаянные смельчаки, многие из которых срывались и гибли (башня была взорвана в 2018 г.; на месте «башни-поганки», находящейся совсем рядом с кварталом бывших купеческих особняков, теперь достраивается гигантская Ледовая арена). Весь роман Славниковой рисует «Рифейскую столицу» как мир симулякров, извративших представления о красоте и добре, где, как пишет в рецензии Сергей Беляков, «норму заменила патология» [Беляков 2006]. Саркастически культ смерти представлен в романе через историю элитного кооперативного кладбища «Купол» [Славникова 2007]. Сквозь обманно-реалистический облик города в романе Славниковой откровенно прорывается «хтонь» (не случайно шоу-маскарад на площади имени 1905 года в честь столетия Октябрьской революции оборачивается настоящей войной «красных» и «белых»).

Болезненный этап перехода к новой эпохе отразил Алексей Иванов в книге «Ёбург», своеобразной хронике 1990-х годов [Иванов 2014]. Валерий Кичин в рецензии справедливо отметил, что автору удалось показать волевой, бесстрашный, энергичный и предприимчивый, по-своему романтичный характер уральцев, ввергнутых в катастрофический слом эпох и не ждущих помощи извне, полагающихся только на собственные силы [Кичин]. Герой последней главки – бизнесмен-романтик Андрей Гавриловский, сумевший построить небоскреб «Высоцкий», считая его символом личной победы над всеми неблагоприятными обстоятельствами. Для Алексея Иванова этот небоскреб – воплощение уральского характера – сочетания идеализма и амбиций. Вот как описывается «Антей-3» (название «Высоцкий» было придумано позднее): «хайтековская башня (…) какой-то искусственный кристалл, выращенный вне гравитации, элегантный и техногенный…» [Иванов 2014: 569]. Правда, для строительства пришлось снести старые постройки: ветхий дом-пятистенок и кирпичные развалины с погребом. Так начался снос старых особняков в центре Екатеринбурга. Отметим также, что Алексей Иванов воссоздал и историю «бандитских войн», и передел государственной собственности, и историю почти реализовавшейся Уральской республики, и драматичную историю «афганцев», и уральский рок, и андеграунд, и расцвет «наивного искусства». Город жил пестрой и сложной жизнью.

В постсоветское время городу вернули изначальное имя, и облик улиц в начале XXI столетия снова преобразился. Постиндустриальный Екатеринбург, в котором территории бывших заводов застраиваются высотными жилыми комплексами, – город кафе и ресторанов, огромных торгово-развлекательных центров, небоскребов в стиле неоконструктивизма, стрит-арта и пешеходных зон, «хипстерский» и «продвинутый». Вместе с тем заметно возросло внимание к отдельным зданиям – и потому, что многие строятся по индивидуальным проектам зарубежных архитекторов, и потому, что каждый жилой комплекс получает свое имя («ОК-премиум», «Лувр», «Кольцо Екатерины», «Никольский» и т. п.).

Идеалом современного городского пространства Екатеринбурга видится «парк культуры» – понятие, которое ввел Михаил Ямпольский для характеристики такой городской среды, где происходит «интегрирование искусства и досуга в рамках единого стиля жизни» [Ямпольский 2018: 11]. Ямпольский пишет: «Парк культуры поглощает искусство в life style. Художественный вкус становится лишь одним из маркеров социальной принадлежности наряду с модными ресторанами, дизайнерской одеждой, дорогими часами и т. д.» [Там же: 21]. «Парк культуры», по мнению Ямпольского, непригоден для транслирования идеологии, но одновременно он отвергает травматичное прошлое, страшное, неудобное, не «стильное».

В 2023 г. вышла книга стихов Андрея Сен-Сенькова[1] «Каменный зародыш» [Сен-Сеньков 2023], посвященная дому-улитке в Екатеринбурге. Дом был построен по проекту архитектора Сергея Захарова в 1932 г., в период расцвета конструктивизма. Он примыкает к старейшей городской тюрьме и входит в комплекс зданий, образующих «Городок юстиции». В посвящении указан точный адрес дома, в послесловии, написанном Русланом Комадеем, представлены история дома, фотографии, схема дома – и личные впечатления от него («дом непредсказуем, никогда не является полностью») [Комадей 2023: 50]. В какой-то степени книгу стихов можно было бы назвать экфрасисом, но только главное в ней – не внешний вид дома, а его

[1] Андрей Сен-Сеньков (1981 г. р.) – поэт, прозаик, переводчик. Родился в Таджикистане, окончил Ярославскую медицинскую Академию. Жил в Москве. Автор 18 книг стихов, малой прозы и визуальной поэзии. Лауреат премии Андрея Белого (2019), премии Московский счет (2019). Его стихотворения переведены на 31 язык, книги выходили в США, Сербии, Италии, Нидерландах, Беларуси, Великобритании, Латвии, Израиле, Грузии.

«ожившее», по воле автора, сознание. При точной опоре на документальную основу Сен-Сеньков создает свой образ: не дом-улитка, а литопедион – младенец, так и не родившийся в результате патологии беременности, окаменевший внутри материнского тела. Наверное, подсказана такая ассоциация профессией автора: Сен-Сеньков – врач-педиатр, и он заметил, что дом-улитка обращен лицом к зданию (тоже конструктивистскому) роддома из комплекса Института охраны материнства и младенчества. В самое недавнее время в доме-улитке был открыт маленький отель эконом-класса. Но в книге Сен-Сенькова дом-улитка еще пребывает в состоянии «заброшки». Сен-Сеньков сделал этот дом «местом памяти», вывел заброшку из зоны забвения, сделал фактом коммуникативной живой памяти (дав очень конкретный и эмоциональный, вызывающий сопереживание образ, концентрирующий историческое время).

Как пишет Роман Абрамов, заброшки – это следы деиндустриализации. Среди заброшек числятся здания бывших НИИ, заводов, лабораторий, пионерских лагерей, бомбоубежищ, военных городков и проч. [Абрамов 2014]. Молодежная мода на проникновение, обследование и фотографирование заброшек (так называемый «сталкинг», «городская разведка» – городская субкультура) формировалась и под влиянием зарубежных практик молодежной активности, и под впечатлением постиндустриального таинственного пейзажа из фильма А. Тарковского «Сталкер» (1979, фильм упомянут и в книге Сен-Сенькова), одноименной видеоигры (вышедшей в 2007 г.), книг Сергея Лукьяненко, а также в связи с техногенными катастрофами, оставляющими после себя отравленные «зоны» (Чернобыль, Кыштымская авария на комбинате «Маяк» на Южном Урале в 1957 г.).

Заброшки радикально отличаются от памятников архитектуры, это именно забытые и аутентичные следы прошлого. Заброшенный дом следует отличать от «третьих» (общих для всех) мест, о которых писал Р. Ольденбург [2018] и которые, по его концепции, являются фундаментом социума как общности: аэропорты, вокзалы, супермаркеты, кафе, книжные магазины и т. п. Заброшки ничьи, они не функциональны, маргинальны, напоминают зажившихся стариков. И если вспомнить, что М. Фуко к гетеротопиям относил, помимо прочего, и дома престарелых, то заброшки, вероятно, можно отнести к разряду гетеротопных пространств, о которых Фуко говорил, что здесь судьбоносно пересекаются время и пространство [Фуко 2006: 192]. Гетеротопии – это места, в которых реализовалась утопия, но являющиеся девиациями, противоречащими всему вокруг находящемуся [Там же: 195]; кроме того, Фуко выделяет и гетерохронные места (например, музеи, библиотеки, кладбища [Там же: 200]). Дом-улитка как памятник конструктивизма реализовал социальную утопию построения нового индустриального города и формирования нового человека – мечтателя, труженика, коммуниста. Гетеротопным и гетерохронным пространством дом-улитка стал не сразу, изначально он вписывался в архитектурный комплекс, только позднее, в постсоветский период, стал «гостем из прошлого». Как пишет Т. В. Зверева, в романтические элегии XVIII в. широко входит тема руин, хранителем памяти становится не камень, а предание. Исследовательница связывает этот поворот с окончанием эпохи Просвещения, с ее верой в незыблемость пространственных форм [Зверева 2006]. Современные заброшки – это руины, но руины не живописные, а демонстрирующие разъедающую силу неумолимого времени и неизбежного забвения.

Дому-улитке вернул субъектность поэт Андрей Сен-Сеньков, воссоздав жизнь дома во времени.

девяностолетний зародыш
ты давно не растешь
и уже не превратишься в человечка

ты просто домик,
странный изогнутый домик

у тебя нет кирпичных рук
и внутри не висят запасные для жизни секунды

ты похож на казино где специально нет окон
а на стенах никогда не вешают часы [Сен-Сеньков 2023: 7]

Далее читаем:

ты появился
чтобы быть детским садом
потом детским домом… [Сен-Сеньков 2023: 9]

В следующем стихотворении:

твой папа сергей ефимович
даже не придумал мальчик ты или девочка

ты сам пытался понять

когда не получалось
а не получалось всегда
сгибался еще больше… [Сен-Сеньков 2023: 11]

По мере развертывания стихотворного цикла автор еще более очеловечивает дом, представляя его игры в детстве, подростковые терзания, возможные мечты, синхронное плаванье с сестрой-близнецом или игры с подругой, если бы таковая была. Например:

а были ли у тебя домашние животные?
какие-нибудь пушистые тараканы
или разноцветные аквариумные крысы?..
[Сен-Сеньков 2023: 17]

Или:

если бы у тебя были глаза кого бы ты любил
дега?
микеланджело?
дельво?

лучше дега

все эти гнутые ножки
белые спинки балерин
ноготки над головой
то чего у тебя нет и не будет …
[Сен-Сеньков 2023: 21]

Дом красив:
в солнечную погоду
ты похож на буквы-двойняшки L
в надписи HOLLYWOOD
выложенной на лос-анджелесском холме

затем солнце прячется
и ты снова похож только на самого себя

красивую калифорнийскую свердловчанку
[Сен-Сеньков 2023: 18]

Лирический повествователь мечтает, что хорошо бы в этом доме открыть какой-нибудь милый магазинчик с длинным названием: «черно-белое женское белье и кино», «все для маленького волшебника и ничего для большого» [Сен-Сеньков 2023: 31]. Последнее в цикле стихотворение проникнуто нежностью и жалостью, буквально родственным сочувствием:

я никогда не был в твоем городе
и это единственный повод приехать

обнять нет таких рук
только потрогать поцарапать процарапать
не тебя
себя

не подходит здесь русский
шептал бы по-английски
звал мелани[1]

твой мой мальчик с маленькой меланомой
[Сен-Сеньков 2023: 33]

Почему же почти в каждом стихотворении присутствуют мотивы боли и насилия, дом-улитка показан как место страдания, как мертвый младенец? Это связано с историей дома: слои времени откладываются на поверхности дома, образуя палимпсест [Ассман 2014: 235]

(...)
дыры окон в твоих боках сделаны из
выплаканных глаз

это когда не осталось слез
когда выплакано все
выплакан зрачок
роговица
радужная оболочка
хрусталик
зрительный нерв
сетчатка

и тогда на глаза надевают серый свердловский дождь [Сен-Сеньков 2023: 9]

В заброшенном доме встречались бандиты:

в девяностые к тебе приходили несмешные клоуны

притворялись что папа и мама

они были лысые в лысой коже

тёр потом долго кирпичной крошкой следы от губных пуль

и от пистолетной помады...
[Сен-Сеньков 2023: 13]

Одно время (когда, как пишет Сен-Сеньков, зародышу было уже пятьдесят лет) тут приютился видеосалон с неприличными фильмами. Однажды пришли маляры и нарисовали на стенах «неизлечимую зелень социалистических лепестков» [Сен-Сеньков 2023: 25]. Но неизменным оставалось одно – дом построен впритык к колючей проволоке, за которой располагается тюрьма. Руслан Комадей пишет в послесловии: «Что должны были чувствовать дети, посещая этот детский сад и каждый день наблюдая колючую проволоку кругом и мрачные балконы с курящими дядями в фуражках? Кажется, здание такой формы было построено, чтобы отвлекать внимание ребятишек от уголовных монументальностей вокруг» [Комадей 2023: 51].

Здание примыкает к старейшей в городе тюрьме, как раз являющейся памятником архитектуры. Строительство тюремного замка, завершенное в 1830 г., возглавлял известный архитектор М. П. Малахов. За строительством следил лично Николай I. Через Екатеринбург пролегал Сибирский тракт («Владимирка»), основная дорога на каторгу; после 1825 г. тюрьма приобрела особую актуальность, как и спустя сто лет, в годы репрессий. В послевоенные годы в Свердловской тюрьме № 1 содержали более двух десятков высших военных чинов фашистской Германии, личного адъютанта Гитлера, сына немецкого фабриканта Альфреда Круппа и других военнопленных [Болковский 2007].

Соседство детского учреждения с тюрьмой наложило свой мрачный отпечаток на образ дома в стихах А. Сен-Сенькова. «Каменный зародыш» представляет собой «окаменелый след утраченного прошлого», если использовать выражение Ассман [Ассман 2014: 25]. Заброшка, а некогда детский сад, примыкающий к тюрьме, есть символ, выражающий одновременность советских утопических проектов и репрессивной реальности.

Разумеется, жизнь не стоит на месте, старые дома ветшают, на их месте строятся новые. Но пока есть документальные свидетельства прошлого (как бы ненужного), важно осознать и пережить их как экзистенциальный опыт, что и делает Сен-Сеньков в поэтическом исследовании коллективной травмы. Второй раздел в книге называется «Десять кирпичиков, вынутых из зародыша на память», и здесь автор обращается к болезненным моментам собственного детства и юности, проговаривая забытое (вытесненное) прошлое с его теневой стороной.

Заброшки – забытые дома – неизбежно актуализируют проблему памяти. Они временно преодолевают разрыв времен, напоминая в постиндустриальном процветании о свершениях и жертвах индустриализации. Но для того, чтобы заброшки

[1] Возможно, тут обыгрывается название пресноводной улитки – мелания, но возможна и отсылка к Мелани Кляйн (1882–1960), британскому психоаналитику, писавшей о причинах детской агрессии в результате фрустрации психики в раннем детстве, на параноидно-шизоидной стадии, вызывающей механизм проективной идентификации, а также отмечавшей детский комплекс влечения к смерти. Депрессивная Мелани Кляйн обладала крайне тяжелым характером, помешавшим ей выстроить отношения с собственными детьми.

«заговорили», инициировали «работу горя» (память и скорбь), нужно искусство, художник или поэт, которые вновь наделят безразличный объект субъектностью. Окаменевший, так и не родившийся младенец, буквально окаменевшее прошлое, в книге Сен-Сенькова выступает материальным носителем, символом неоплаканных травм. Остается только добавить, что в сентябре 2024 г. дом-улитка выставлен на продажу владельцем по цене 135 млн рублей. Рынок поглотит и эту заброшку, как и многие другие.

Выводы

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. И архитектура, и литература включены в общее культурное пространство города. Они отражают конкретно-историческую эпоху, образ жизни и мироощущение людей своего времени, следовательно, их образы могут анализироваться в аспекте культурной семиотики. Образы архитектуры в литературном произведении способны выполнять несколько функций: придавать топографическую конкретику сюжетному пространству; служить средством косвенной характеристики персонажа – владельца или обитателя дома; играть роль одного из носителей авторской концепции и оценки изображаемой действительности, ее атмосферы расцвета или умирания, устремленности в светлое будущее или обращенности к прошлому. Прочные особняки купцов-старообрядцев, как и современные «именные» небоскребы и элитные жилые комплексы бизнес-класса, выражают пафос личного успеха, делового предпринимательства; конструктивистские дома-коммуны воспитывали человека-коллективиста, а скромные пятиэтажки «оттепели» реабилитировали частную жизнь. В самое последнее время в литературе проявилась тенденция к субъективации маргинального архитектурного объекта, становящегося своего рода «собеседником» в лирическом диалоге, другими словами – катализатором процессов тревожной авторской рефлексии над прошлым и саморефлексии, что мы и наблюдаем в книге стихов А. Сен-Сенькова.

Литература

Абрамов, Р. Н. «Забытые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма / Р. Н. Абрамов // Бредникова О. и др. Микроурбанизм. Город в деталях. – М. : НЛО, 2014. – С. 231–255. – URL: https://culture.wikireading.ru/72864 (дата обращения: 30.08.2024).

Антология советской песни / сост. М. Ю. Войнов. – URL: https://песни-ссср.рф/lyrics.aspx?songId=58 (дата обращения: 04.06.2025).

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : НЛО, 2014. – 238 с.

Беляков, С. С. Натюрморт с камнем / С. С. Беляков // Знамя. – 2006. – № 12. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=3146 (дата обращения: 28.08.2024).

Болковский, А. История екатеринбургской тюрьмы / А. Болковский // Урал. – 2007. – №°12. – URL: http://magazines.russ.ru/ural/2007/12/sas8.html (дата обращения: 27.08.2024).

Екатеринбург: наследие конструктивизма. – Екатеринбург : Независимый институт истории материальной культуры, 2009. – 160 с.

Зверева, Т. В. «Руинный текст» русской культуры рубежа XVIII–XIX вв. / Т. В. Зверева // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. – С. 41–47.

Иванов, А. В. Ненастье / А. В. Иванов. – М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2015. – 640 с.

Иванов, А. Ёбург. Город храбрых. Сделано в девяностые / А. Иванов. – М. : АСТ, 2014. – 576 с.

Интермедиальность в русской культуре XVIII–XX веков / ред. И.°П. Смирнов, О.°М. Гончарова. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 186 с.

Катаев, В. Б. Русская классика и интермедиальность: опыт создания курса / В. Б. Катаев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2022. – № 3. – С. 59–72.

Кичин, В. «Ебург» Алексея Иванова можно уподобить космосу / В. Кичин // Российская газета. Культура. – 08.07.2014. – URL: http://www.rg.ru/2014/06/03/eburg-site.html (дата обращения: 08.02.2016).

Комадей, Р. Послесловие / Р. Комадей // Сен-Сеньков А. Каменный зародыш. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2023. – С. 50–54.

Кузнецова, А. И. Диалог архитектуры и литературы: корреляционный и рецептивный аспекты / А. И. Кузнецова // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности. – Нижний Новгород : Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Город Екатеринбург: исторический очерк / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Город Екатеринбург : сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. – Екатеринбург : И. И. Симанов, 1889. – С. 1–57.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. – 448 с.

Матвеева, А. Жемымо / А. Матвеева // Сноб. – 2012–2013. – № 53-54. – С. 151–158.

Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 9 / В. В. Маяковский ; ред. В. Дувакин. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 612 с.

Немирович-Данченко, В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления / В. И. Немирович-Данченко ; отв. ред. Е. Г. Власова ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – СПб. : Маматов, 2021. – 456 с.

Никитин, Н. Вещи о войне / Н. Никитин. – Л. : Госиздательство, 1924. – С. 41–58.

Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 29.08.2024).

Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

Ольденбург, Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – М. : НЛО, 2018. – 456 с.

Пискунова, Л. П. «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты / Л. П. Пискунова, Л. Э. Старостова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2015. – № 4 (146). – С. 40–52.

Рубинс, М. «Пластическая радость красоты»: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс. – СПб. : Академический Проект, 2003. – 354 с.

Рыжий, Б. На холодном ветру. Стихотворения / Б. Рыжий. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. – 72 с.

Сен-Сеньков, А. Каменный зародыш / А. Сен-Сеньков. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2023. – 56 с.

Силантьева, В. Литература и живопись в контексте компаративистики / В. Силантьева. – Одесса : Астропринт, 2015. – 336 с.

Славникова, О. 2017 / О. Славникова. – М. : Вагриус, 2007. – 515 с.

Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Прогресс, 1995. – С. 259–367.

Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть. Часть 3. – М. : Праксис, 2006. – С. 191–204.

Ханзен-Леве, О. А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / О. А. Ханзен-Леве. – М. : РГГУ, 2016. – 504 с.

Ямпольский, М. Б. Парк культуры: Культура и насилие в Москве сегодня / М. Б. Ямпольский. – М. : Новое издательство, 2018. – 198 с.

References

Abramov, R. N. (2014). «Zabytye v proshlom»: osvoenie zabroshennykh prostranstv i fenomen novogo gorodskogo turizma ["Forgotten in the Past": Reclaiming Abandoned Spaces and the Phenomenon of New Urban Tourism]. In Brednikova, O. et al. *Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh*. Moscow, NLO, pp. 231–255. URL: https://culture.wikireading.ru/72864 (mode of access: 30.08.2024).

Antologiya sovetskoi pesni [Anthology of Soviet Songs]. URL: https://pesni-sssr.rf/lyrics.aspx?songId=58 (mode of access: 04.06.2025).

Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, NLO. 238 p.

Belyakov, S. S. (2006). Natyurmort s kamnem [Still Life with a Stone]. In *Znamya*. No. 12. URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=3146 (mode of access: 28.08.2024).

Bolkovsky, A. (2007). Istoriya ekaterinburgskoi tyur'my [History of the Ekaterinburg Prison]. In *Ural*. No.°12. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2007/12/sas8.html (mode of access: 27.08.2024).

Ekaterinburg: nasledie konstruktivizma [Ekaterinburg: The Legacy of Constructivism]. (2009). Ekaterinburg. Nezavisimyi institut istorii material'noi kul'tury. 160 p.

Foucault, M. (2006). Drugie prostranstva [Other Spaces]. In *Intellektualy i vlast'. Part 3*. Moscow, Praksis, pp. 191–204.

Hansen-Löve, O. A. (2016). *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture: Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture: From Symbolism to Avantgarde]. Moscow, RGGU. 504 p.

Ivanov, A. (2014). *Eburg. Gorod khrabrykh. Sdelano v devyanostye* [Yoburg. City of the Brave. Made in the Nineties]. Moscow, AST. 576 p.

Ivanov, A. V. (2015). *Nenast'e* [Bad Weather]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 640 p.

Kataev, V. B. (2022). Russkaya klassika i intermedial'nost': opyt sozdaniya kursa [Russian Classics and Intermediality: Experience of Course Creation]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. No. 3, pp. 59–72.

Kichin, V. (2014). «EburG» Alekseya Ivanova mozhno upodobit' kosmosu [Alexey Ivanov's "Yoburg" can be Compared to Space]. In *Rossiiskaya gazeta. Kul'tura*. URL: http://www.rg.ru/2014/06/03/eburg-site.html (mode of access: 08.02.2016).

Komadey, R. (2023). Posleslovie [Afterword]. In Sen-Senkov, A. *Kamennyi zarodysh*. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, pp. 50–54.

Kuznetsova, A. I. (2020). Dialog arkhitektury i literatury: korrelyatsionnyi i retseptivnyi aspekty [Dialogue between Architecture and Literature: Correlational and Receptive Aspects]. In *Paradigmy kul'turnoi pamyati i konstanty natsional'noi identichnosti*. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo NNGU im. N. I. Lobachevskogo.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1980). *Privalovskie milliony* [The Privalov Fortune]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 448 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1889). Gorod Ekaterinburg: istoricheskii ocherk [The City of Ekaterinburg: A Historical Essay]. In *Gorod Ekaterinburg: sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu, s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu*. Ekaterinburg, I. I. Simanov, pp. 1–57.

Matveeva, A. (2012–2013). Zhemymo [Zhemymo]. In *Snob*. No. 53-54, pp. 151–158.

Mayakovsky, V. V. (1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Set of Works, in 13 vols.]. Vol. 9. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 612 p.

Nemirovich-Danchenko, V. I. (2021). *Kama i Ural: ocherki i vpechatleniya* [Kama and Ural: Essays and Impressions]. Saint Petersburg, Mamatov. 456 p.

Nikitin, N. (1924). *Veshchi o voine* [Things about War]. Leningrad, Gosizdatel'stvo, pp. 41–58.

Nora, P. (1999). Problematika mest pamyati [The Problem of Places of Memory]. In *Frantsiya-pamyat'*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.

Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide Triumph of Memory]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2-3. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (mode of access: 29.08.2024).

Oldenburg, R. (2018). *Tret'e mesto. Kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovoK» kak fundament soobshchestva* [Third Place. Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other "Hangout" Places as the Foundation of the Community]. Moscow, NLO. 456 p.

Piskunova, L. P., Starostova, L. E. (2015). «Gorodok chekistov» g. Ekaterinburga: voploshchenie i transformatsiya utopii v povsednevnykh praktikakh sovetskoi ehlity [Ekaterinburg's "Chekist Town": An Objectification and Transformation of Utopia in Everyday Practices of the Soviet Elite]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. No. 4 (146), pp. 40–52.

Rubins, M. (2003). «*Plasticheskaya radost' krasoty»: Ehkfrasis v tvorchestve akmeistov i evropeiskaya traditsiya* ["The Plastic Joy of Beauty": Ekphrasis in the Works of Acmeists and the European Tradition]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 354 p.

Ryzhy, B. (2001). *Na kholodnom vetru. Stikhotvoreniya* [In the Cold Wind. Poems]. Saint Petersburg, Pushkinskii fond. 72 p.

Sen-Senkov, A. (2023). *Kamennyi zarodysh* [Stone Embryo]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi. 56 p.

Silantyeva, V. (2015). *Literatura i zhivopis' v kontekste komparativistiki* [Literature and Painting in the Context of Comparative Studies]. Odessa, Astroprint. 336 p.

Slavnikova, O. (2007). *2017* [2017]. Moscow, Vagrius. 515 p.

Smirnov, I. P., Goncharova, O. M. (Eds.). (2008). *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture XVIII–XX vekov* [Intermediality in Russian Culture of the 17th–20th Centuries]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 186 p.

Toporov, V. N. (1995). Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu) [Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature" (Introduction to the Theme)]. In *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoehticheskogo: Izbrannoe*. Moscow, Progress, pp. 259–367.

Yampolsky, M. B. (2018). *Park kul'tury: Kul'tura i nasilie v Moskve segodnya* [Park of Culture: Culture and Violence in Moscow Today]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 198 p.

Zvereva, T. V. (2006). «Ruinnyi tekst» russkoi kul'tury rubezha XVIII–XIX vv. ["Ruin Text" of Russian Culture at the Turn of the 17th–20th Centuries]. In *Dergachevskie chteniya – 2004. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 2–3 oktyabrya 2004 g.* Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 41–47.

Данные об авторах

Барковская Нина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Гутрина Лилия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: gutrina@bk.ru.

Authors' information

Barkovskaya Nina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Gutrina Liliya Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 22.05.2025; дата публикации: 30.06.2025

Date of receipt: 22.05.2025; date of publication: 30.06.2025